

ютерные сети и т. п.), ее содержание становится все более разрушительным для человека: правит бал культ роскоши, насилия, животных инстинктов, разврата. Осуществляется бесцеремонное манипулирование общественным сознанием в корыстных целях. Под видом заботы о распространении современной культуры активно разрушается культура гуманистическая. Национальные культуры сознательно предаются истории, а то и просто глумливо втоптываются в грязь; классическая литература, музыка, живопись все больше оттесняются от народа. Широкое распространение этой нарко-генной суррогат-культуры и внедрение ее с помощью средств массовой информации в общественную жизнь суверенных государств способствует обострению социально-культурных и национальных противоречий, создает препятствия для трансляции истинных духовных ценностей. Нельзя не видеть, что начинает преобладать псевдокультура, ориентированная на грубые инстинкты, уродующая душу, игнорирующая духовные потребности человека, убивающая мечту и борьбу за социальный идеал.

Итак, господство “массовой культуры” и технократизма ярко высветили факт самоотрицания культуры, а это равносильно самоотрицанию человеческого в человеке. То и другое — дорога в никуда, ибо антикультура — синоним разрушения социума.

Г. С. Пак
Нижегород

БЕЗДОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ДЕСТРУКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО В КУЛЬТУРЕ

Есть культурный всплеск. Есть культурный кризис. Творить может не только бог, но и дьявол. Есть культурная стагнация. Порой люди бездействуют. Но недеяние тоже деяние. Угроза существованию культуры исходит как от бездействия, так и от активного направленного действия. Человек находится в ситуации крайнего выбора — создавать или разрушать, любить или ненавидеть. Третьего не дано (См.: Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу. // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 458.).

Деструктивное творчество есть. Г. Марсель в своей работе “К трагической мудрости и за ее пределы” отождествляет деструктивное и техническое творчество. Мудрость может быть толь-

ко метатехнической и трагической в современном технократическом мире.

Отчужденный человек в современном мире — бездомное существо. Он не чувствует теплоты домашнего очага, сокровенной душевности, исходящей от другого человеческого бытия. Грандиозное здание современной европейской культуры возводится из льда холодного рассудка, основанного на все расчленяющем анализе. Культура утрачивает свою интимную целостность. Культурные смыслы, вырванные из объятий друг друга, служат исходным материалом для постмодернистской деконструкции. Атомарные смыслы, извлекаемые из беспредельности человеческого бытия, объединяются интеллектом и формируют новые смыслы. Так вызревают плоды культуры, узкоспециализированные, чрезвычайно полезные и приспособленные для удовлетворения единично-ничтожной потребности. От совершенного по своему дизайну футляра для зубочисток до “мыльных” сериалов — широко распространенных заменителей человеческой чувственности, отделенных от контекста реального личностного бытия.

Человек, как микрокосм Вселенной, подвергается невиданному ранее процессу членения на составляющие, которые с каждым разом становятся все мельче и ничтожествуют. Атомарная человеческая потребность и продукт культуры, служащий ее удовлетворению, приобретают свою независимую жизнь. Становятся в оппозицию к творцу. Возникает ситуация “на грани”. Опасная черта, переступив которую исчезает возможность возврата к целому. На элементарном уровне теряется качественная определенность изначального... Культура уже не является всеобщей панацеей от социальных невзгод. Она сама больна и нуждается в лечении. Доктора от культуры уповают на донорскую кровь других культур. Но так ли здоровы другие, поскольку находились в контакте с заболевшей? Донорская кровь способна стабилизировать состояние больного, но не является гарантией выздоровления. Необходимо обращение к внутренним резервам самой заболевшей культуры.

Первым обнадеживающим шагом является осознание факта существования двух культур в едином пространстве: внешней — абстрактной, обезличенной, отождествившейся с социальностью и внутренней культуры, “непосредственно вырастающей из индивидуального бытия людей” (Кемеров В. Е. Историзм культуры. // Духовность и культура. Алгоритмы культуры. Екатеринбург, 1994. С. 16). В современных условиях между ними непроходимая пропасть. Трудно определить пределы экспансии внешней культуры, она и так уже зашла слишком далеко.

Второй шаг состоит в обращении не к носителям культуры, а к ее подлинному творцу. Но ее создатель согнулся под тяжестью несъедобных культурных плодов. Культурный человек стоит на перепутье: стоит ли дальше нести всю ношу целиком или пора остановиться, осуществить ревизию культурного багажа, одновременно подумав, что ему действительно нужно. Остановившись, бездомный человек ищет пути возвращения домой.

Е. С. Абраменко
Екатеринбург

СИМВОЛ КАК ДУХОВНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Символизм, в широком смысле, представляет собой чрезвычайно многообразное явление и пронизывает различные типы познания и формы деятельности человека, начиная с религиозных, культовых действий, языковой коммуникации и заканчивая политическими движениями. Полифункциональность символа определяет как чувственно-наглядную, так и социально-регулятивную его роль в обществе и культуре.

Неразрывно связанный с самой природой человеческого познания и неуловимыми психическими явлениями, символ сочетается в себе чувственное и абстрактное, воспринимаемое и представляемое, фантазию и реальность.

Символ, охватывая в предметах и явлениях наиболее устойчивые признаки, придает им личностные характеристики взаимодействия с действительностью, проникновения в тайны бытия. Вместе с тем, условность символа выступает не просто в качестве произвольной игры воображения или договоренности между людьми, это выражение объективной связи между культурно-историческими условиями и потребностями социума, вызвавшими его к жизни. Символ является носителем общего духовного значения, определенной духовной атмосферы специфической социокультурной среды.

По мнению многих исследователей, сам социокультурный мир является миром символических отношений. К. Леви-Стросс отмечал, что всякая культура может рассматриваться как ансамбль символических систем, к которым прежде всего относятся язык, брачные правила, искусство, наука, религия. Все эти системы ставят целью выразить некоторые аспекты физической и социальной реальности, и, кроме того, — те отношения, которые связывают эти два типа реальности между со-